

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ВЫСШЕЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

В. Б. КАСЕВИЧ

ВВЕДЕНИЕ В ЯЗЫКОЗНАНИЕ

*Учебник
для студентов учреждений
высшего профессионального образования*

3-е издание, стереотипное

Москва

ACADEMIA

2012

С.-Петербург

УДК 81(075.8)
ББК 81я73
К28

Рецензенты:

доктор филологических наук, директор Института лингвистики
Российского государственного гуманитарного университета
М. А. Кронгауз;

доктор филологических наук, профессор филологического факультета
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова
М. В. Шульга

Касевич В. Б.

К28

Введение в языкознание : учебник для студ. учреждений
высш. проф. образования / В. Б. Касевич. — 3-е изд., стер. —
СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский
центр «Академия», 2012. — 240 с.

ISBN 978-5-8465-1218-4 (Филологический факультет СПбГУ)

ISBN 978-5-7695-9013-9 (Изд. центр «Академия»)

Учебник создан в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом по направлению подготовки 032700 — Филология (квалификация «бакалавр»).

В книге (1-е изд. — М., 1997) в сжатой форме изложены основные представления современного языкознания — традиционные (классические) и новейшие концепции, утвердившиеся в мировой и отечественной науке о языке (трансформационно-порождающая грамматика, когнитивная лингвистика, функциональная лингвистика и др.).

Для студентов лингвистических, педагогических и переводческих факультетов учреждений высшего профессионального образования.

УДК 81(075.8)
ББК 81я73

*Оригинал-макет данного издания является собственностью
Издательского центра «Академия», и его воспроизведение любым способом
без согласия правообладателя запрещается*

© Касевич В. Б., 2011

© Образовательно-издательский центр «Академия», 2011

© Оформление. Издательский центр «Академия», 2011

© Филологический факультет СПбГУ, 2011

ISBN 978-5-8465-1218-4
ISBN 978-5-7695-9013-9

Предисловие ко 2-му изданию

Первое издание этой книги вышло в 1977 году в Главной редакции восточной литературы издательства «Наука» (отв. редактор Ю. С. Маслов) под названием «Элементы общей лингвистики». Насколько известно автору, книга имела и имеет довольно широкое хождение, ссылки на нее нередки в работах не только лингвистов, но и психологов, философов и других специалистов. Двумя изданиями вышел ее перевод на вьетнамский язык, ряд глав появился в китайском переводе. По-видимому, сравнительно широкая читательская аудитория во многом была обеспечена «скелетным» представлением материала: автор стремился по возможности кратко формулировать положения лингвистической теории, давая необходимый минимум аргументации. Кроме того, книга содержала обзор, в той или иной степени критический, новейших по тому времени лингвистических направлений; в частности, впервые на русском языке был представлен анализ основных положений генеративной лингвистики.

Вероятно, надо признать, что жанр этой книги с трудом поддается однозначному определению. Ее можно считать учебником уже потому, что здесь отражены практически все темы, подлежащие освоению в рамках курса «Введение в языкознание». Однако в то же время за рамками рассмотрения остаются традиционные для учебников разделы преимущественно справочного характера (например, о языках мира и их распространении). Одновременно круг лингвистических проблем, обсуждаемых в книге, в ряде отношений выходит, иногда значительно, за пределы традиционных филолого-лингвистических вводных курсов. С этой точки зрения книгу (во всяком случае, ее отдельные разделы) можно рассматривать как своего рода пособие для преподавателя, чей «теоретический тезаурус», конечно же, должен быть существенно шире, чем программа курса для студентов.

Наконец, нельзя не сказать несколько слов о природе учебников для гуманитарных дисциплин. В учебниках по естественнонаучным дисциплинам обычно отражено «устоявшееся» знание: в них содержится свод знаний, признанных на данный исторический момент научным сообществом (то, что Т. Кун называет «нормальной», или «парадигмальной», наукой). Но в гуманитарных науках таких обще-

принятых теорий значительно меньше, даже если мы ограничимся рассмотрением основополагающих положений науки. Скажем, изложение законов Ньютона может отличаться от учебника к учебнику лишь по форме, но в разных учебниках по языкознанию могут быть представлены очень отличающиеся друг от друга теории знака. Поэтому автор учебника по гуманитарной науке, в том числе по лингвистике, «обречен» на значительно более выраженную, чем его коллега-естественник, индивидуальность в подходе к проблематике своей науки. Он (автор-гуманитарий) сплошь и рядом должен либо специально обосновывать свой выбор данной теории (например, теории синтаксиса простого предложения) из числа представленных в литературе, либо предлагать собственную теорию. В настоящей книге представлены оба способа выбора теоретической платформы.

Лингвистика последних десятилетий развивалась столь бурно, что некоторые течения сходили со сцены, едва успев оформиться (примером может служить генеративная семантика, которой в первом издании книги был посвящен специальный небольшой раздел). В этих условиях полное воспроизведение текста 1977 года означало бы едва ли простительное невнимание к тем изменениям, которые происходили и происходят в современном языкознании.

Соответственно, второе издание отличается от первого главным образом в двух отношениях. Во-первых, в позднее опубликованных работах автора некоторые положения были скорректированы и/или получили новое развитие; разумеется, это в большинстве случаев нашло отражение в настоящем издании. Во-вторых, в мировой лингвистике за прошедшие десятилетия появились, как уже отмечалось, новые направления, да и многие старые — прежде всего та же генеративная лингвистика — изменились, порой до неузнаваемости. Так как книга по-прежнему преимущественно ориентирована на начинающего лингвиста (см. предисловие к 1-му изданию), было сочтено необходимым дать хотя бы очень краткую характеристику нынешним ведущим течениям лингвистической мысли: генеративной (а вернее, постгенеративной), когнитивной и функциональной лингвистике.

К сожалению, и в это издание, как и в первое, не удалось включить раздел, посвященный социолингвистике: за истекшие годы социолингвистика развивалась чрезвычайно активно, и осовременить раздел, подготовленный для первого издания, потребовало бы слишком больших усилий.

Поскольку сохраняется основная ориентация книги, удерживается и принцип минимизации библиографического аппарата.

Предисловие к 1-му изданию

Граматики конкретных языков описывают эти языки, общее языкознание описывает, как составлять грамматики¹. Для выполнения этой задачи общее языкознание должно обладать определенными представлениями о языке вообще. Иными словами, выяснение общезыковых закономерностей, внутренней логики и механизма действия языка с необходимостью входит в сферу общего языкознания.

Если предмет языкознания понимать достаточно широко, то необходимо учитывать, что языком владеет человек и любое высказывание есть непосредственный результат функционирования внутренних, прежде всего психических, систем носителя языка. Поэтому без изучения того, как человек говорит, как понимает речь, языкознание неполно. Специально этими вопросами занимается психолингвистика.

Носитель языка — член общества, и без учета влияния общественных, социальных факторов на языковые явления языкознание также неполно. Специально эти проблемы разрабатываются социолингвистикой.

Несколько огрубляя ситуацию, можно сказать, что материал собственно лингвистики (языкознания) — это тексты, психолингвистики — речевое поведение человека, социолингвистики — речевое поведение языковых коллективов.

В этой книге предпринята попытка дать сжатое освещение аспектов, указанных выше. Из названия книги — «Элементы общей лингвистики» — следует, что в ней излагаются далеко не все вопросы, а лишь определенные элементы общезыковедческой проблематики. В то же время автор надеется, что адекватным окажется и «западно-европейское» понимание этого слова: ср. англ. *elements*, нем. *Elemente*, франц. *éléments* ‘основы’, ‘основные принципы’.

На выборе тем, подлежащих освещению, конечно, не могли не сказаться личные пристрастия автора. В качестве объективного критерия отбора учитывалась степень разработанности вопроса в науке

¹ Термин «грамматика» употреблен здесь в самом широком смысле — как синоним описания языка.

о языке: если вопрос многократно и подробно рассматривался в имеющейся литературе, то из этого делался вывод, что полезнее расставить основные акценты, а не рассматривать проблему сколько-нибудь детально.

Учитывались также, с одной стороны, степень признанности той или иной концепции, с другой — необходимость введения тех представлений, которые пронизывают современную лингвистику и без знания которых невозможно ориентироваться в мировой лингвистической литературе. В тех случаях, когда не представлялось возможным присоединиться к одной из существующих в научной литературе точек зрения, автор излагал собственную позицию.

По разным причинам в данной работе очень мало внимания уделено историческому языкознанию.

Эта книга выросла из курса лекций по общему языкознанию, которые автор читал и читает на Восточном и Филологическом (ныне Факультет филологии и искусств) факультетах Санкт-Петербургского (ранее Ленинградского) университета. В настоящем ее виде она тоже мыслится как некий компендиум, знакомство с которым поможет лингвисту, прежде всего начинающему, ориентироваться в практической работе, в чтении литературы. Отсюда — откровенно дидактический тон изложения и ряд других особенностей, свойственных учебной литературе.

Автор видел свою задачу в ознакомлении читателя с кругом идей, а не имен. Поэтому было сочтено возможным минимизировать библиографический аппарат. Ссылки на конкретные работы могут означать: а) указание на источник идейного, а иногда и фактического заимствования; б) отсылку к труду, в котором более подробно и специально рассматриваются вопросы, лишь схематически изложенные в данной главе; в) указание на работу, в которой содержится ясное, а иногда классическое изложение взглядов, отличных от точки зрения автора.

Поскольку книга рассчитана в основном на начинающего лингвиста, в библиографию входят труды на русском языке. Там, где приводятся материалы или теоретические положения зарубежного исследователя, работа которого не переведена на русский язык, в тексте обычно указывается его имя без ссылки на конкретные публикации (иногда таким же образом делается отсылка к работам отечественных исследователей).

БИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКА

§ 1. Необходимость постановки проблемы, обозначенной в названии этого вводного раздела, объясняется просто: коль скоро человек, единственный из высших животных, обладает «даром речи», он с очевидностью должен иметь в своем распоряжении какие-то особые материальные механизмы, свойственные только ему, которые обеспечивают умение говорить и воспринимать речь. В действительности мы рассмотрим более узкий вопрос — вопрос о тех **МОЗГОВЫХ** механизмах, которые предположительно ответственны за порождение и восприятие речи.

§ 1.1. Согласно наиболее распространенным представлениям, в структурах мозга человека можно выделить три основных функциональных блока, каждый из которых «ведает» своим кругом типов психической деятельности. Это блок регуляции тонуса и бодрствования, блок получения, переработки и хранения информации и, наконец, блок программирования, регуляции и контроля психической деятельности.

§ 1.2. Наименее специфичен первый блок, который поддерживает любую деятельность в состоянии бодрствования. Тонус коры головного мозга регулируется стволовыми и подкорковыми отделами мозга, которые образуют *ретикулярную формацию*.

§ 1.3. Второй блок специализирован для приема и анализа сигналов-раздражителей, которые посылают в головной мозг так называемые периферические рецепторы. Анатомически механизмы блока получения, приема и хранения информации базируются на задних отделах мозга: это затылочные, височные и теменные отделы коры. Именно в задней трети верхней височной извилины левого полушария немецкий психиатр К. Вернике в 1874 году обнаружил центр, поражение которого лишало больных возможности понимать звуковую речь при относительно сохранной способности говорить.

§ 1.4. Третий блок отвечает за организацию сознательной деятельности и за контроль над тем, насколько успешно она протекает. Соответствующие механизмы обеспечиваются работой отделов головного мозга, которые расположены впереди от передней центральной извилины, включая лобные доли коры. Именно в задней трети

нижней лобной извилины левого полушария французский анатом П. Брока в 1861 году обнаружил центр, поражение которого влекло за собой грубые нарушения речи — «говорения» — при относительной сохранности способности к пониманию звуковой речи.

§ 1.5. Нетрудно увидеть, что «центр говорения», или зона Брока, и «центр понимания», или зона Вернике, располагаются в непосредственной близости друг от друга, что вполне естественно, если учесть тесную связь между соответствующими процессами: каждый человек в норме способен и говорить, и понимать речь, причем переключение с одного вида деятельности на другой происходит постоянно и практически мгновенно (в определенной степени оба процесса могут даже осуществляться одновременно, параллельно).

Обозначения «центр говорения» и «центр понимания» выше не случайно заключены в кавычки. К настоящему времени наука не склонна к строгому локализационизму — к выделению мозговых областей, которые сами про себе, изолированно ответственны за реализацию того или иного вида психической деятельности, тем более такой сложной, как речевая. Использование языка предполагает согласованную работу целостного мозга. Тем не менее не снимается вопрос о том, какие же именно мозговые структуры, позволяющие усваивать язык и пользоваться им, отличают человека от его ближайших эволюционных «родственников», человекообразных обезьян, и вопрос этот пока остается открытым. Можно лишь утверждать, что становление соответствующих механизмов не было результатом эволюции — постепенного развития структур, позволяющих животным обмениваться простыми звуковыми сигналами (сигналами опасности, призыва самки или самца, выражения удовлетворения/неудовольствия, угрозы и т. п.). Как показали экспериментальные данные, у обезьян центры, управляющие подобными вокализациями, находятся в области подкорки, а не коры (как, кстати, и у человека), в то же время искусственная стимуляция зон мозга обезьяны, анатомически соответствующих «зоне говорения» человека, не вызывает никаких звуковых реакций. Остается предположить, что становление способности к языку в истории человечества — а это в сущности равнозначно становлению человека как такового — связано с *генетической мутацией*, т. е. спонтанным изменением в структурах, ответственных за хранение и передачу специфической генетической информации.

§ 2. Выше отмечалось, что основные зоны мозга, связанные с обеспечением речевой деятельности, локализованы в левом полушарии головного мозга. Это действительно для правой (у правой левое полушарие головного мозга управляет работой правосторонних органов тела, а правое — левосторонних; у левой в большинстве случаев соотношение обратное). Долгое время считалось, что правое полушарие вообще «немое», никак не связано с речевой деятельностью. К настоящему времени появилось много оснований считать, что правое полушарие также вносит свою необходимую лепту в

обеспечение процессов речи. В целом для левого полушария характерен анализ, а для правого — синтез. Это означает, что мозговые структуры левого полушария специализированы на выполнении формальных операций, связанных с расчленением целого на составляющие элементы и установлением отношений между ними, в то время как механизмы правого предназначены для «схватывания» целостной картины по ее содержательным характеристикам. Применительно к языку из указанных особенностей межполушарной асимметрии следует, что фонетические (фонологические) и грамматические структуры обрабатываются механизмами левого полушария, правое же полушарие вносит содержательную определенность в эти структуры, как-то соотносит их с целостной ситуацией, устанавливая связь между тем, что является предметом сообщения, и ситуативно существенными характеристиками этого предмета.

Таким образом, в обеспечении функционирования языка участвуют практически все структуры мозга: корковые и подкорковые, стволовые, левополушарные и правополушарные, передние и задние.

ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ ЯЗЫКА

§ 3. Язык есть важнейшее средство передачи и хранения информации: основная часть информации, циркулирующей в обществе, существует именно в языковой форме.

Передача информации — один из существеннейших видов и аспектов общения между людьми. Из этого следует, в свою очередь, что центральная функция языка — это функция общения, или *коммуникативная*.

§ 4. Известно, что существует и иная характеристика языка — как средства «представления» знаний о мире в психических (иначе — ментальных) механизмах человека: знания (информация) о мире у человека могут быть представлены с помощью зрительных, слуховых и иных образов, а могут — с помощью языка — в языковой форме. Иначе можно сказать, что функция языка заключается и в порождении (формировании) информации. Эту функцию в последнее время стали называть *когнитивной*, т. е. относящейся к переработке информации, к познанию в широком смысле слова.

Как соотносятся две основные функции языка — коммуникативная и когнитивная?

Можно утверждать, что коммуникативная функция, или функция общения, выступает первичной, а когнитивная — вторичной, при этом обе функции оказываются теснейшим образом связанными. В самом деле, само по себе представление (отображение) внешнего мира во внутренних (психических) механизмах человека не требует языковой формы: сравнительно развитые формы отражения имеются уже у животных; необходимость в языковой форме для «продуктов» отражения возникает именно потому, что эти результаты отражения мыслительной деятельности нужно сообщать, передавать другим членам человеческого коллектива. Обмен индивидуальным опытом, координация действий становятся возможными благодаря языку, который как раз и является орудием, позволяющим «отливать» в общезначимые формы результаты индивидуальной мыслительной деятельности.

Изложенное выше одновременно означает, что сама когнитивная функция языка вызывается к жизни его коммуникативной функцией:

если бы не было необходимости в общении, не было бы, вообще говоря, и необходимости в языковой форме отражения человеком внешнего мира.

§ 5. Поскольку отражение внешнего мира на сколько-нибудь высоких уровнях всегда выступает как **обобщение** по отношению к объектам действительности и их свойствам, можно сказать, вслед за Л. С. Выготским, что в языке осуществляется «единство общения и обобщения». Это означает, что, с одной стороны, язык обеспечивает общение; с другой же стороны, результаты мыслительной деятельности, деятельности по обобщению свойств действительности, вырабатываются и закрепляются именно в языковой форме. Всякое слово есть результат абстрагирующей работы мысли (слово *дерево* обозначает «дерево вообще»), и, наоборот, абстрактное понятие, общее для всех членов данного коллектива, для своего существования требует наличия слова.

Без языка невозможно общение, — следовательно, невозможно существование общества, а отсюда и формирование человеческой личности, становление которой мыслимо лишь в социальном коллективе. Вне языка нет общезначимых понятий и, безусловно, затруднено существование развитых форм обобщения, абстракции, т. е. опять-таки фактически невозможно формирование человеческой личности.

§ 6. Коммуникативная функция языка предполагает **семиотический** аспект его рассмотрения, о чем речь еще пойдет ниже. Изучение когнитивной функции языка тесно связано с проблемой «язык и мышление». Специально эта проблема здесь не рассматривается (см. главу «О психолингвистике»), однако некоторые замечания в этой связи сделать необходимо.

§ 6.1. Первое замечание относится к так называемой гипотезе Сепира — Уорфа, согласно которой мышление человека определяется тем языком, на котором он говорит, и выйти за рамки этого языка не может, поскольку все представления человека о мире выражаются посредством его родного языка. Противники этой гипотезы указывают, что и мышление человека, и опосредованно его язык определяются действительностью, внешним миром, поэтому отводить языку роль детерминирующего фактора в формировании мышления нельзя.

Определяющая роль внешней действительности в формировании человеческого мышления, разумеется, не подлежит обсуждению, она бесспорна. При этом, однако, следует учитывать **активность** процессов отражения действительности человеком: человек отнюдь не пассивно запечатлевает тот материал, который «поставляет» ему внешний мир, — этот материал определенным образом организуется, структурируется воспринимающим субъектом; человек, как говорят, «моделирует» внешний мир, отражая его средствами своей психики. Тот или иной способ моделирования определяется потреб-

ностями человека, прежде всего социальными, производственными. Вполне естественно, что эти потребности, связанные с условиями существования, могут быть различными у разных исторически сложившихся общностей людей. В какой-то степени отличаются соответственно и способы моделирования действительности. **Проявляется** это прежде всего в языке. Следовательно, специфика языка здесь — вопреки гипотезе Сепира — Уорфа — скорее вторична, во всяком случае она не первична: нельзя сказать, что специфика языка определяет специфику мышления.

Так обстоит дело в филогенезе, т. е. в истории становления и развития человека (и его языка). Однако в онтогенезе, т. е. в индивидуальном развитии человека, ситуация несколько иная. Каждый человек овладевает знаниями о мире, о внешней действительности в очень большой степени не непосредственно, а «через» язык. Хрестоматийный пример: спектр излучения и поглощения световых волн, определяющий цвет, разумеется, повсюду одинаков, не отличаются и физиологические способности представителей разных этносов к цветовосприятию; однако известно, что у одних народов различаются, например, три цвета, в то время как у других — семь и т. д. Естественно задать вопрос: почему, скажем, каждый африканец шона (юго-восточная группа языков банту) научается различать именно три основных цвета, не больше и не меньше? Очевидно, потому, что в его языке существуют названия именно для этих трех цветов. Здесь, следовательно, язык выступает в качестве готового орудия для того или иного структурирования действительности при ее отображении человеком.

Таким образом, когда возникает вопрос, почему вообще в данном языке существует столько-то названий цветов, видов снега и т. п., то ответ на него состоит в том, что русским, французам, индейцам, ненцам и т. д. для их практической деятельности в течение предшествовавших столетий (возможно, тысячелетий), грубо говоря, «нужно» было различать именно разновидности соответствующих объектов, что и отразилось в языке. Другой вопрос заключается в следующем: почему каждый представитель языкового коллектива различает столько-то цветов и т. д. и т. п.? Здесь ответ состоит в том, что тот или иной способ восприятия внешней действительности в определенной степени «навязывается» конкретному индивидууму его языком, который представляет собой в этом отношении не что иное, как кристаллизованный социальный опыт данного коллектива, народа. С этой точки зрения, следовательно, гипотеза Сепира — Уорфа вполне разумна.

Сказанное выше, безусловно, не означает, что человек вообще не способен познать то, чему нет обозначения в его языке¹. Весь опыт развития различных народов и их языков показывает, что когда про-

¹ К такому выводу склонялся в особенности Б. Уорф.

изводственная и познавательная эволюция общества создает необходимость введения нового понятия, то язык никогда не препятствует этому — для обозначения нового понятия либо используется уже существующее слово с определенным изменением семантики, либо образуется новое по законам данного языка. Без этого, в частности, нельзя было бы представить себе развитие науки.

§ 6.2. Второе замечание, которое необходимо сделать в связи с проблематикой «язык и мышление» даже при самом сжатом ее рассмотрении, касается вопроса, насколько тесна, насколько нерасторжима связь между языком и мышлением.

Прежде всего надо сказать, что в онтогенезе (у ребенка) развитие речи и интеллектуальное развитие первоначально осуществляются «параллельно», по своим собственным закономерностям, при этом развитие речи оказывается более связанным с эмоциональной сферой, с установлением «прагматического» и эмоционального контакта с окружающими². Лишь впоследствии, к двум годам, линии речевого и интеллектуального развития «пересекаются», обогащая друг друга: начинается процесс, в результате которого мысль получает языковую форму и возможность приобщаться посредством языка к накопленному обществом опыту; теперь язык начинает служить не только потребностям элементарного контакта, но также, с развитием индивида, сложным формам самовыражения и т. п.

Налицо, следовательно, и известная автономия языка и мышления с генетической точки зрения (т. е. с точки зрения их происхождения и развития)³, и в то же время их теснейшая взаимосвязь.

По собственному опыту всем известно, что мышление далеко не всегда протекает в развернутой речевой форме. Значит ли это, что перед нами свидетельство (пусть и интуитивное) независимости мышления от языка? Это сложный вопрос, и ответ на него пока можно дать лишь предварительный.

Многое зависит от того, как мы будем истолковывать понятие «мышление». Если этот термин для нас означает не только абстрактное мышление, но и так называемое мышление образами, то вполне естественно, что это последнее — образное мышление — вовсе не должно быть обязательно речевым, словесным. В этом смысле неречевое мышление, очевидно, вполне возможно.

Другой аспект той же проблемы связан с существованием таких типов мышления, где речевая форма используется, но выступает как

² Как можно видеть, коммуникативная функция и в этом плане выступает как первичная.

³ Эта автономия подтверждается также теми случаями патологии, когда при крайне низком уровне интеллектуальных возможностей (врожденном слабоумии и т. п.) больные тем не менее в достаточной мере овладевают языком. Такие факты свидетельствуют, что способность к овладению языком в общем не зависит от умственных способностей как таковых.

бы редуцированной: от нее остаются лишь некоторые, самые важные элементы, а все то, что «само собой разумеется», не получает речевого оформления. Этот процесс «компрессии» языковых средств напоминает обычную практику в диалогах, в особенности в хорошо знакомой ситуации, когда многое, принимаемое в качестве известного, опускается. Тем более это естественно в мысленных монологах, или «монологах для себя», т. е. когда нет необходимости заботиться о достижении понимания со стороны собеседника.

Такая свернутая речь, оформляющая мышление, носит название **внутренней речи**. Важно подчеркнуть, что внутренняя речь представляет собой все же редуцированную «обычную» речь, возникает на ее основе и без нее невозможна (внутренняя речь отсутствует у ребенка, еще не овладевшего в достаточной степени языком)⁴.

⁴Подробнее о внутренней речи см. § 184.8.